

Соня Середой

Закон темных перемен

МОСКВА

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
С32

Обложка и внутреннее оформление *turakimyo*

Середой, Соня.

С32 Закон темных перемен / Соня Середой. — Москва : Эксмо, 2026. — 480 с.

ISBN 978-5-04-245157-7

Великий предок установил, что никто из императорской семьи не должен культивировать способности. В противном случае на мир обрушится небесная кара и люди захлебнутся в несчастьи. А за нерушимостью этого правила следит государственный Наставник.

Чтобы защищать мир от нечисти, Великий предок просил у небожителей спускать в мир особое оружие, за право обладания которым заклинатели раз в несколько десятилетий будут сходить в жестокую битву, которая должна пройти по сценарию из китайских легенд. Но какой именно — никто не знает заранее.

И самое прискорбное, что во время этого испытания главной героине придется умереть.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-245157-7

© С. Середой, текст, 2026
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2026

Закон тёмных перемен гласит:

*Когда в небесах парит луань-няо¹,
Мир под её крылом безмятежен,
Спокойно сердце у императора поёт,
И небожитель не видит угрозы.*

*Но если тёмная переменная
Вдруг омрачит её светлый путь,
То хаос и мрак воцарятся.
Кто же получит своё искупление?*

¹ Луань-няо (кит. 鸾鸟) — в древнекитайской мифологии чудесная птица, чьё появление было возможно лишь в мирные времена.

[0]

Пробуждение

Каменные стены сотрясались от ударов снаружи с такой силой, что приближали тот миг, когда пещера, где находилось столь желанное сокровище, рисковала обернуться гробницей. Пыль и мелкие камни летели на голову молодому заклинателю, прорывающемуся вглубь коридора, тьму которого разгонял свет зажжённого талисмана. Заклинатель двигался так проворно и быстро, что, пожалуй, любой мужчина позавидовал бы его ловкости. Но мужчины никогда ему не завидовали, напротив, презирали и высмеивали. И, наверное, каждый, кто желал ему сдохнуть, не обрадовался бы тому, как резво он уносил ноги от своей смерти.

Пот крупными каплями стекал по лбу, под каменной громадой становилось душно. Обдирая плечи об острые камни, заклинатель наконец выбрался из длинного тоннеля в очередную пещеру. Ощущение пространства облегчило душу и побудило сделать глубокий вдох. На заклинателя нахлынул озноб, пробирая до мурашек. Но, отдышавшись, он понял, что причина не в холодном сквозняке. Всё из-за будоражащей кровь энергии, которая подобно скользким волнам тумана вытекала из расщелины, уходящей тёмным коридором в неизвестность.

Вновь загрохотало. Уже не так сильно, как в первый раз, однако это не значило, что преследователи задержатся надолго. Губы потрескались от холода, но куда сильнее заклинателю хотелось искушать их до крови от пульсации энергии, отозвавшейся в духовном ядре. Оно напомнило маленький уголёк, раскалившийся в глубине сердца, отчего ток ци¹ по меридианам ускорился с каждым мгновением.

— А-Си²... — с придыханием пробормотал заклинатель, в ужасе рванув к источнику пульсирующей энергии. — А-Си!

Его голос разнёсся громким эхом по пещерам, но страх того, что камни могли свалиться на голову, не так сильно пугал заклинателя. Духовная энергия его соратницы менялась. А это могло означать только одно — она нашла *его*. И, судя по всему, вступила в контакт.

Заклинатель не слышал отдалённый грохот и звук собственного тяжёлого дыхания за панически нарастающим ужасом, из-за которого тело выжимало последние силы, чтобы ускориться.

В голове бился немой крик, усиливающийся с каждым словом: «Нет, нет, нет! Ты не можешь!». Но чем ближе заклинатель становился к пещере с высоким куполом, тем отчётливее ощущал пульс древней силы, пробуждающейся ото сна подобно персиковому дереву в начале весны. Стоило заклинателю наконец заметить свет, мерцающий на выходе из тоннеля, как ему показалось, что это белое сияние выжигает в нём не

¹ Ци — жизненная энергия, которая присутствует во всем; поглощая ци, культиваторы укрепляют тело и дух для дальнейшего развития.

² А- (*кит.* 阿) — обычно приставка «А-» добавляется к именам детей или слуг; или это нежное, ласковое прозвище.

только надежду, но и то, ради чего он отправился в путешествие.

Ради чего терпел издевательства и мучения всю свою жизнь. Ради чего забывал о сне и еде¹.

Заклинатель боялся войти в зал, однако ноги принесли его туда прежде, чем он успел остановиться. Простор пещеры поражал воображение, зубья сталагмитов и сталактитов грозно топорщились с пола и потолка, пока ясное сияние исходило от заклинательницы. Её длинные тёмные одежды, развевающиеся от волн воздуха, напоминали плавники экзотической рыбы. Волосы, убранные заколкой на затылке, растрепались, длинные пряди плясали в такт пульсации энергии, то и дело скрывая её молодое лицо. Словно цветок, подобный нефриту², её аскетичная красота пробивалась сквозь следы грязи и усталости, в раскосых глазах пылало удовлетворение. Заклинатель заворожённо смотрел на свою А-Си, испытывая болезненный трепет. Он увидел в ней лису, использовавшую могущество тигра³.

Она всегда была его лучом надежды и поддержкой, но от вида того, как её рука сжимала рукоять цзяня⁴,

¹ «Забывать о сне, забыть о еде» (*кит.* 废寝忘食) — стараться изо всех сил; трудиться не покладая рук; недоедать и недосыпать; усердно заниматься.

² «Словно цветок, нефриту подобна» (*кит.* 如花似玉) — фраза передаёт идею о том, что человек обладает как нежным очарованием цветка, так и чистой элегантностью нефрита.

³ «Лиса пользуется могуществом тигра» (*кит.* 狐假虎威) — использовать силу и авторитет других для того, чтобы добиться определённых результатов самому.

⁴ Цзянь — китайский прямой меч, в классическом варианте с длиной клинка около метра, но встречаются и более длинные экземпляры.

лезвие которого пульсировало благородным белым сиянием, у заклинателя всё оборвалось в душе.

— Цун Вэйси... — обречённо пробормотал он, всё ещё не веря в происходящее.

Цун Вэйси словно не замечала его потрясения, а возможно, расценила реакцию как глубокое удивление, отчего улыбнулась ещё шире.

— Ян Фан, — позвала она в ответ дрожащим от удовлетворения голосом. — Он признал меня.

Для Ян Фана её слова прозвучали сродни приговору, ком обиды и негодования застрял в груди, не позволяя сделать глубокий вдох. Он потрясённо хлопал ресницами, не в силах пошевелиться, даже несмотря на грохот, от которого сотряслись стены храмовой пещеры.

Во взгляде застыло непонимание.

— А-Си. — Он всё пытался найти в себе силы преодолеть ошеломление и подобрать подходящие слова. Но всё, что ему удалось произнести, — это одно-единственное: — Почему?

Наконец Цун Вэйси заметила его эмоции, отчего радость быстро сменилась недоумением, а залёгшая между бровей складка подчеркнула недовольство.

— Потому что он звал меня, почему же ещё? Этот меч выбрал...

— Это должен быть я!!!

Обезумевший от горя крик пробился сквозь глотку, из-за гнева с губ слетела слюна, а взгляд налился такой обидой, которая едва не обратилась слезами. Ян Фан всю жизнь тренировался и терпел унижения во имя этого момента, чтобы стать достойным и пройти испытание ради обладания божественным оружием.

— Ты говорила, что поможешь мне! — продолжал он. — Обещала не претендовать на божественное ору-

жие! Как ты вообще тут оказалась раньше меня?! А если оказалась, ты должна была сторожить меч, а не красть его!

Лицо Цун Вэйси обрело холодную сдержанность, и пока свет меча медленно угасал, стабилизируясь, в Ян Фане сильнее закипала злость. Показательно схватившись за рукоять своего цзяна, находящегося в ножнах на поясе, он требовательно произнёс:

— Отдай его мне. Немедленно!

Он не понимал, что с ним происходит, почему так ярко пылали эмоции. Ведь Цун Вэйси была и оставалась единственным человеком, который заботился о нём, кто поддерживал и защищал. Может, Ян Фан лишился рассудка от горя? Или же на него наложили чары? Иначе как объяснить столь жгучую ярость и отчаяние, вспыхивающие в сердце при одном взгляде на Цун Вэйси? И это её выражение недоумения, словно она не понимала причины его гнева.

Нет, она с самого начала... с самого начала хотела сделать это!

— Мне заставить тебя отдать меч? — чуть ли не сквозь зубы прорычал Ян Фан.

Наблюдая за тем, как растерянность в выражении лица Цун Вэйси медленно сменялась осознанием ситуации, он решительно выхватил клинок из ножен.

— Ты серьёзно? — до конца не веря в происходящее, спросила Цун Вэйси и приготовилась к атаке.

Ян Фан пытался бороться с обидой, но в нём росло непонятное чувство. Нет, не так. В нём росла сила, буря энергии, откликающаяся на свет, исходящий от божественного оружия. Меч звал его. Да, точно, божественное оружие звало его, и произошла страшная ошибка.

«А ведь ещё не поздно стать хозяином меча», — подумал Ян Фан, и эта мысль окрылила его столь ободряющей надеждой, что он позабыл обо всём, видя перед собой лишь цель: вырвать оружие из рук Цун Вэйси во что бы то ни стало. Выбить меч из рук, которые под-

держивали его в прошлом, чтобы обрести свой путь в будущем.

Цун Вэйси успела отреагировать на быструю атаку, отпрыгнув в сторону, а затем подняла цзянь, обороняясь. Как только два клинка встретились, яркий столп искр обжёг зрение, но не лишил Ян Фана уверенности. Стоило ему начать бой, как кровь закипела в жилах, ударяя в голову дурманом алчности.

Вся его жизнь напоминала кошмар. Над ним издевались, его погребли под грязью этого мира, втопты-

вая в землю, в то время как он был рождён свершать великие вещи! Он знал это, он чувствовал, и даже Цун Вэйси не удастся забрать его судьбу. Яростно нанося удар за ударом, используя гибкость стройного тела и преимущество в силе перед женщиной, Ян Фан с озлобленным рыком спустил с лезвия духовную проекцию меча.

Цун Вэйси отреагировала моментально, подняв оружие. Она неплохо сражалась в рукопашную, куда лучше владела заклинаниями, а в бою на мечах Ян Фан порой и проигрывал, — они не гнушались применять между собой грязные трюки. Но в этот раз Цун Вэйси не взяла в расчёт нестабильную силу новообретённого клинка. Удивлённо охнув, она отлетела прочь, сильно ударившись о стену пещеры, но не выпустив из руки оружие.

Однако это не имело значения. Улучивший момент Ян Фан использовал быструю поступь и, ослеплённый

жадностью и злостью, налетел на Цун Вэйси, пробивая её грудь острым клинком.

В её глазах заметалось непонимание, отрицание. Цун Вэйси смотрела на Ян Фана как на незнакомца, не в состоянии принять тот факт, что самый близкий человек нанёс столь сокрушительный удар. Руки, которые её обнимали и служили для неё опорой, лишали её жизни.

Сердце Ян Фана стучало в такт бешено пульсирующей ци, течение которой разносило по телу блаженное удовлетворение. Он чувствовал себя голодным волком, наконец вцепившимся в шею зайца и познавшим вкус горячей крови. Но жажда, которую он утолил, отступила подобно волнам во время отлива, обнажая здравомыслие.

Он только что...

Нет... нет, нет... как же?..

Ян Фан не успел даже испугаться или осознать, что натворил, он увидел лишь ярость, загоревшуюся в глазах Цун Вэйси. Несмотря на боль от серьёзного ранения и угасающую жизнь, она отказывалась умирать. Воля тянула её прочь от смерти, что отчётливо ощущалось в ауре, начавшей пульсировать в пространстве. Сила исходила не только от Цун Вэйси. Меч, который она крепко сжимала в руке, наливался пылающим белоснежным светом, также отказываясь погибать, едва сделав первый глоток жизни.

Это поразило Ян Фана, он в ужасе и в то же время заворожённо смотрел в глаза Цун Вэйси, наблюдая то, как решимость человека преодолевает Небо¹. А ведь он

¹ «Решимость человека преодолевает Небо» (ит. 人定胜天) — твёрдость человека побеждает судьбу; силы человека преодолеют силы природы.

думал, что именно ему небеса пророчили великую судьбу в награду за все лишения и трудности. Вот только он забыл, что не один шёл по этой тропе изгоя, с ним рука об руку следовала Цун Вэйси, и порой не просто следовала, а шла впереди.

Она была его частью, она была его судьбой. И в этот самый миг, ослеплённый вспышкой божественного оружия, Ян Фан осознал всю никчёмность своего существования перед даром небес.

[1]

Везкий ветер
испытывает траву

Сердце колотилось так быстро, что невольно у Цун Вэйси закралось ощущение, будто в её груди поселился маленький дух, яростно желающий вырваться наружу. Она с трудом могла пошевелиться из-за парализующей слабости, разлившейся по телу. Непонимание происходящего давило сродни могильному камню, тяжесть которого сдавила кости и душу. Особенно ярко боль пылала в сердце, там, где Цун Вэйси формировала золотое ядро, поддерживающее духовную энергию тела.

Первые мгновения после пробуждения её мучил страх, но сознание постепенно прояснялось. И тогда на неё нахлынули воспоминания об испытании Великого предка, как острый клинок, находящийся в руке близкого человека, пронзил грудь. Цун Вэйси в ужасе открыла глаза и дёрнулась.

Тело сковало болью. Опираясь о локоть в попытке сесть, Цун Вэйси надавила ладонью на грудь, ощущая мощные удары сердца. Её колотило от страха, мышцы налились тягучей слабостью. Тяжело дыша через нос, она старалась успокоиться и постепенно приходила к

осознанию радостной и оттого пугающей действительности — жизнь не покинула её тело.

Цун Вэйси всё ещё жива.

Но как? Как возможно подобное чудо, если она точно помнила, что меч пронзил её сердце и расколол золотое ядро? Может, это всё дурной сон? Или хуже того — вещий? Но пережитые события казались настолько реальными, что Цун Вэйси куда охотнее поверила бы в солнце, встающее на западе. Хотя можно ли поверить в то, что её убил близкий сердцу человек?

В голове зазвенело, но Цун Вэйси поборола дурноту, скинув ноги с кровати.

«Конечно, из собачьей пасти не следует ждать слоновьей кости¹, и всё же Ян Фан ни за что бы не навредил мне».

Учитывая, что рана на груди отсутствовала, а сердце продолжало биться, Цун Вэйси постаралась воспринимать случившееся как страшный сон. Бесспорно, реалистичный, но разве способны небожители даровать такой, как она, видения в качестве предупреждения?

Списав всё на волнение перед предстоящим испытанием Великого предка, Цун Вэйси лишний раз убедилась в нереальности кошмара, когда осмотрелась и признала павильон Зелёного журавля. Они с Ян Фаном вернулись после долгого путешествия в духовную школу Жуйфэн² и после поклонения достопочтенному главе отправились в павильон целителей. Ян Фана должен осматривать старейшина Цао Фу.

¹ «Из собачьей пасти не жди слоновой кости» (кит. 狗嘴裏吐不出象牙) — китайская пословица, означает: не жди доброго слова от плохого человека.

² Жуйфэн (кит. 锐风) — резкий ветер.

Странно, что никто не разбудил Цун Вэйси. Осмотр и восстановительные процедуры не должны были отнять много времени.

Едва успев подойти к двери, Цун Вэйси замерла. Она ведь не помнила, как пришла в павильон Зелёного журавля и уж тем более как разлеглась на кровати для больных. Да и как бы она поклонилась главе школы, если потеряла сознание? Как же всё было? Оставшись ждать Ян Фана под скатами изогнутой крыши, она провела во дворе не больше одной палочки благовоний¹, после чего... направилась по вызову к главе?

Что за странности? Откуда такая уверенность, что достопочтенный глава вызовет её и Ян Фана?

И тут перед её глазами пронеслись события, ведущие от церемонии открытия испытания Великого предка до злополучного удара мечом в грудь.

Вновь закрались сомнения в реальности происходящего. Да что вообще происходит? Почему сны ощущались так реально? И не просто как знамения, а как период прожитой жизни. Цун Вэйси много раз слышала истории о воинах и совершенствующихся даосах, чья небесная душа, отрываясь от тела, переносилась в прошлое, даруя воспоминания о будущем. Цун Вэйси могла бы поверить, что подобное произошло и с ней, но она знала свой уровень. Ей бы просто не хватило мастерства и способностей.

Вот только в этих видениях она заполучила божественное оружие. Эта мысль помогла немного приободриться и в то же время всерьёз задуматься о произошедших событиях. Покинув комнату, неспешно

¹ Сгорание одной палочки благовоний приравняется примерно к 30 минутам.

